

Клара ЛУЧКО:

Конец правды. — 1994. — 3 февр. — с. 8

«Как нас чуть не обокрали в Каннах»

Клара Лучко — актриса, сыгравшая в эпохальных фильмах «Молодая гвардия» и «Кубанские казаки». Возраст подкорректировал ее внешность, но в душе, кажется, она осталась тем лучшим, что несло то время.

— Я из Полтавы, — говорит она. — Там другая жизнь. Не приличным считалось быть артисткой. Но узнала, что во ВГИК набирает Герасимов. Так я и поехала.

— Родители?
— Папа — директор совхоза, мама — председатель колхоза. Мама хорошо пела. И пела в церкви с Козловским. У нее был серебряный голос. В Полтаве была школа музыкальная. И давали стипендию. Мама играла в народном театре. Они грузили декорации и цугом ездил из деревни в деревню.

— Вы начинали в фильме «Молодая гвардия»?

— Мы были студентами. Я играла тетку Марину, очень маленькую роль. Я говорила на украинском языке. Когда вышел фильм на экраны, творилось что-то необыкновенное. Люди на руках носили артистов.

— Актер Владимир Иванов, сыгравший Олега Кошевого, настолько вошел в роль, что потом так из нее и не вышел?..

— Да. Я его не видела лет 20. Работал в филармонии. Читал отрывки из «Молодой гвардии», как Олег Кошевой, всю жизнь. Всю жизнь посвятил этой роли. Он единственный был негерасимовец. Кто-то ему сказал, что он похож на Олега Кошевого. Мы с чистой душой входили в жизнь. С открытыми глазами. Однажды к нам в институт приехала мать Олега Кошевого. Она

была в черном платье с вырезом и с медальоном Олега Кошевого. Нам показалось, что это нехорошо.

— А нужна была такая книга о детях-героях?

— Нужна. Но подход был неверный. Не надо было Фадееву привязывать историю к Краснодару. Не надо было документальности. Из-за этого пошел фетиш. Но, видимо, это есть у каждой страны.

Когда в Америке был кризис, то было задание сохранить фабрику грез.

— Но Александров при создании фильма «Цирк» у американцев много позаимствовал?

— Не знаю. Но он был в Голливуде. Голливуд на него произвел впечатление. Имидж, который создавала Орлова, это же был имидж нерусской девушки.

— Вы общались с Орловой?

— Да. Я с ней была на Каннском кинофестивале. 1954 год. Был представлен фильм Пудовкина «Возвращение Василия Бортникова». Я там снималась.

— Кто был в советской делегации?

— Юткевич, Александров, Орлова... Мы пересаживались с самолета на самолет, и с Любовью Петровной пошли посмотреть чемоданы: погрузили или нет. Юткевич сказал: «Как не стыдно. Это же Европа. Куда могут деть ваши чемоданы?»

Лично в моем почти ничего не было. Два платья, которые я одолжила у Целиковской и еще у кого-то. Но тем не менее мы проследили, чтоб погрузили. И когда прилетели в Париж, то именно чемодан Юткевича и пропал. Очень долго его искали, только когда

были в Каннах, привезли его чемодан.

— Призы были?

— Наш фильм ничего не получил.

— А потом были еще в Каннах?

— Нет. Но ездила почти на все другие фестивали.

— И в Голливуде бывали?

— Была. Лет десять назад. Встречались со всеми знаменитыми актерами. Были в студиях. Они снимают, как и мы, не жалея дублей, чего не скажешь о Японии. Там снимают один дубль.

— А как вы относитесь к нашей киноакадемии, когда присуждают «Нику»?

— Когда мы что-нибудь заимствуем, то это получается как бы для бедных. Придумали «Нику», хотя фильмы наши уже и не смотрят.

Но когда односторонняя игра идет — как у Америки, — это ужасно. Но почему не сделать так, чтобы Америка делала, как у России? Церемония награждения Российской киноакадемии, как у Амери-

ки. Я на них не хожу... Хазанов называет это неприличным словом...

— «Пирдухой» — т. е. пир духа...

— И все аплодируют. Выходит, что это наша вершина, если мы представляем лучшие работы. Но мы же талантливы...

— Но, видимо, свой талант мы не умеем продать?

— Не только продать... Мы думаем, стоит себя «выставить», и доллары потекут рекою. Один иностранец сказал, что, пока мы будем делать под Америку, нас покупать не будут. У нас своих таких достаточно, и гораздо лучше.

— Подобное произошло и с художниками-авангардистами...

— Когда мы повернемся к себе, начнется наше кино. Сегодня в любом нашем фильме звучит «ол-райт»... Хотя действительность далеко другая.

Это кино смотрят зрители от 14 до 18 лет. У старшего поколения ностальгия по прошлому. Вот в Израиле я была на базаре. Еврейский базар — это одесский привоз. Меня узнают, приветствуют. В воскресенье была по советскому ТВ передача обо мне. В понедельник мне говорят в Израиле: «Вчера мы вас смотрели, а сегодня вы уже здесь». У эмигрантов здесь и дом есть, и машина, и ностальгия по России. Они прошлое не ругают. Это мы ругаем. А они его идеализируют.

— Может, даже тот строй?

— Да. Но когда я была на Украине и включила радио, и услышала, что говорят про Россию, мне, украинке, стыдно стало. Нельзя считать Шевченко мессией, а «москали плохие люди, лыхо зробят с вами».

— Вы считаете, что ваша жизнь в кино началась с «Молодой гвардии»?

— С «Кубанских казаков». Меня пригласил Пырьев. Это как гром среди ясного неба. Это был потрясающий режиссер. Он все знал. Успех был грандиозный. Я попала в актерскую обойму. Получала мешки писем.

...Последняя моя картина называется «Виновата ли я». Для меня очень важная работа. Но американка, которая дала на него деньги, фильм еще не продает. Это мелодрама. И она видит, что идет возврат к старым светлым фильмам, и вот тогда его и продает.

Я ехала в поезде, и спутница рассказала мне свою судьбу. Невероятную. И мы решили написать сценарий с Зиной Черковой. Три недели писали. Я играла алкоголичку.

— Может, сейчас единственный выход — снимать на иностранные деньги?

— Режиссер Бланк, снявший «Цыган», решил снять фильм, получил 300 млн. Но тут повысили цены на энергоносители. Пересчитали деньги — не хватает. Фильм закрыли. Может, сейчас можно будет снимать. Ведь сняли налог... Вернется наше кино. «Времянки» уйдут. Через такое кино деньги отмывали. Снимали за миллион, остальные клали в карман. Это страшное кино. Режиссер только мог сказать: «Внимание, мотор!» и «Стоп!». А сейчас деньги отмыли...

— Ваша последняя заграничная поездка?

— Культурная миссия «Истоки» по Средиземноморью.

— Как вы попали в миссию?

— Это возобновление прер-

ванных связей. Я приехала со съемки. Мне звонят: «Хотите?...» — «А сколько это стоит?» — «Только встретиться с общественностью».

— Вам Израиль понравился?

— Да. Когда я увидела природу, оазисы, поля на камнях. Израильтяне могут накормить Европу, был бы сбыв. В море ведь урожай выбрасывают, а у нас пропадает под снегом. Правда, поток туристов — через отрегулированный конвейер — это цинично.

— Кто ваш муж?

— «Известинец» времен Аграновского и Татьяны Тэсс.

— У вас есть дети?

— Дочка. Она окончила ВГИК и ГИТИС, ее оставляли в ГИТИСе, но она занялась бизнесом.

Я разочарована. Она была бы хорошей актрисой.

— Какую роль хотели бы сыграть еще?

— Я играла женщин со сложной судьбой. И хотела бы сыграть современницу. Это была бы трагикомедия. Конечно, я хотела бы сниматься у Феллини. Но Феллини умер, как его хоронили? Его хоронила Италия. А у нас как умирают режиссеры? Мы никем не гордимся...

— Сколько киноактеры, которые не снимаются, получают?

— Девять тысяч! Денег у актеров и режиссеров нет. Когда раньше наши актеры ездили за границу сниматься, их спрашивали: а сколько вы стоите? Мы возмущались. Сейчас с этого начинается деловой разговор. Нам платили так мало, что страшно было об этом сказать...

РЕЗАНОВ —
ХОРОШИЛОВА.